

исследования. В период «горбачевской перестройки» с принятием Закона о государственном предприятии (1987 г.) широкое распространение получила практика выборов руководящего состава предприятий «снизу доверху». Но методика «указующего перста» сохранилась, как и прежде, «сверху донизу». В частности, продолжая работу в этом направлении, бюро Иркутского обкома КПСС, например, приняло решение о проведении аттестации и собеседования не только с партийными, советскими, профсоюзными и комсомольскими работниками. Были утверждены положение и порядок проведения подобной процедуры и в трудовых коллективах области. График отчетов руководителей разных звеньев и уровней производственного управления в 1987 г. выглядел так: до 1 мая — отчеты бригадиров, до 1 июня — мастеров, до 1 июля начальников цехов и участков, до 1 августа — руководителей предприятий и организаций. Причем предусматривалось, чтобы первыми отчитались руководители отстающих предприятий. Как итог — уже 12 апреля в Восточно-Сибирской правде появился первый отчет проведенной работы: к этому времени проведено 8 тыс. собраний по отчетам бригадиров, работа 105 из них признана неудовлетворительной, в том числе у семи коммунистов (*Учиться демократии // Вост.-Сиб. правда. 1987. 12 апр.*).

Таким образом, огосударствление и бюрократизация аппарата и всей системы управления способствовали тому, что политическая система советского общества «окостенела», росло отчуждение масс от политической власти и от непосредственного управления промышленным производством.

О.Д.-Н. ЦЫДЕНЕШИЕВА

ИЗ ИСТОРИИ СЕЛЬСКОЙ ШКОЛЫ ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1920–1927 гг.

Постреволюционный период 1920–1927-х гг. — период коренных преобразований во всех сферах жизни советского общества. Культурная сфера, как один из важнейших «идеологических фронтов» коммунистической партии, подвергалась идеологизации и контролю со стороны партийных органов, что нашло яркое отражение в развитии нового народного образования. Формирование в 1920-е гг. новой системы образования была обусловлена потребностью повышения образовательного уровня населения необходимого для глубоких изменений в обществе и государстве.

Данная статья посвящена становлению и развитию сельской школы в условиях социальных, политических и экономических трансформаций на материалах Иркутской губернии.

Основным типом школ в сельской местности Иркутской губернии в 1920-е гг. были школы I ступени (начальные школы). В ряде уездов

формируются школы повышенного типа, национальные школы. Под лозунгами «Через всеобщую грамотность — к изучению культуры в настоящем и созданию пролетарской культуры в будущем», «Через знание — к ликвидации политической безграмотности» создаются так называемые «школы грамоты» (ликпункты).

В 1920-е гг. на смену дореволюционной образовательной системе должна была прийти советская новая школа, которая должна была соответствовать основным принципам демократизации, политехнизации школ, отделения школы от государства. Учителя должны были стать проводниками новых идей, культурной и социальной политики советского государства.

В целях предоставления всему населению возможности сознательного участия в политической жизни страны все силы были брошены на борьбу с неграмотностью. Так, согласно плану Иркутского губернского отдела народного образования, все гражданское население обоего пола от 17 до 50 лет, неграмотные и малограмотные, обязаны обучаться в советских бесплатных школах (ГАИО, ф. 42, оп. 1, д. 2, л. 227). Для этих целей в апреле 1920 г. постановлением Иркутского губернского отдела народного образования были мобилизованы все культурные работники независимо от специальности. Особое внимание уделялось всем национальным группам населения Иркутской губернии.

В начале 1920-х гг. ход школьного строительства был серьезно осложнен экономическим кризисом. В обстановке нестабильности государством был выработан комплекс антикризисных мер по финансовой и экономической поддержке школы. Состоявшийся в 1922 г. III Всероссийский съезд представителей отделов народного образования наметил ряд конкретных мероприятий, основными из которых были: закрепление постановлением центра определенного процента из местного бюджета на просвещение; допущение платности школ первой и второй ступени в городах и поселениях городского типа с привлечением общественной инициативы (*Власть труда*. 1922. № 250. С. 3).

Однако в связи с тем, что местный бюджет только что начинал строиться, а договорная кампания не имела соответствующих правовых и организационных основ, перспективы материальных условий существования школьной сети были неопределенными. Усложнило положение в этом деле и демобилизация педагогического персонала. Отмена трудовой повинности и нищенская оплата труда повлекла за собой массовое сокращение преподавательского состава в школах, губернская газета «Власть труда» писала по этому поводу: «...у массового работника просвещения потеряно всякое терпение жить одними обещаниями о снабжении со стороны ОНО, и фактически ничего не получать за свой труд... Уходят лучшие квалифицированные и преданные делу силы, а замены им нет, качество труда падает — школа от этого теряет авторитет» (*Власть труда*. 1922. № 256. С. 3).

Данная проблема носила стихийный характер практически во всех районах Иркутской губернии, когда школы закрывались за отсутствием учителей, к примеру, в Селенгинском аймаке имелось около 100 школ, из них 20 школ, за отсутствием учителей были закрыты (*Власть труда. 1922. № 25. С. 3*), в Балаганском уезде по той же причине функционировало 74 из 81 школы первой ступени (*Власть труда. 1922. № 53. С. 3*). Для сдерживания сокращения школьной сети шла работа по развертыванию договорной кампании по самообложению населения, вводилась плата за обучение. Однако в сельской местности работа в этом направлении не показала должного результата. Еще одной причиной сдерживания становления сельской школы была плохо налаженная связь губцентра с местами, частая реорганизация административного аппарата губернского отдела народного образования, неосведомленность сельского учителя о новой политике просвещения.

В сравнении с 1921–1922 учебным годом в 1922–1923 учебном году общая численность школ по Иркутской губернии сократилась вдвое. После этого в финансовом и материально-техническом обеспечении школ начинаются позитивные моменты, которые были вызваны поиском различных источников для поддержания школ. В результате всех изысканий для укрепления материальной базы сеть школ по губернии в целом приняла следующие очертания (табл.).

Количество школ Иркутской губернии в 1922–1923 учебном году по источникам финансирования

Общее количество школ	Школы, содержащиеся на средства государственного, местного губернского и уездного бюджета	Школы, содержащиеся на средства самообложения сельского населения в порядке договорных и хозяйственных организаций
584	332	252

Составлено по: Культурное строительство в Сибири 1917–1941 гг.: сб. док. Новоси-бирск: Зап-Сиб. кн. изд. 1979. С. 105–106.

Начиная с 1923 г. особое внимание стало уделяться сельским школам, шла работа над улучшением материально-правового положения сельского учителя. В связи с переводом на местное снабжение, сельское общество, в порядке договора обязывалось содержать школу: обеспечение дровами, ремонт помещений школы, оплата труда учителей. Для установления норм натуральной оплаты, в Иркутской губернии создавались школьно-хозяйственные советы. Однако сельские школы находились в разных социальных, территориальных условиях: когда норма оплаты труда работника просвещения в различных уездах была разной, да и зачастую размеры утверждались только на бумаге, а в некоторых уездах крестьяне вообще отказывались любого участия в содержании школы.

Политика многоканального финансирования как антикризисная мера позволяла лишь поддерживать школу, но не могла переломить общую тенденцию стихийного сокращения школьной сети. Так в сравнении

с 1923 по 1924 г. школьная сеть губернии сократилась еще на 35 школ (*Власть труда. 1924. № 125. С. 3*).

Начиная с 1924 г. школа становится на путь неуклонного подъема. Из года в год стала расти доля расходов на народное образование в местных бюджетах. «Сравнивая расходы по народному образованию по губернии за последние два года с расходом, предположенным по сметам на 1925–1926 бюджетный год, можно отметить увеличение отпуска средств на народное образование. Если в 1923–1924 бюджетном году из общей губернской сметы на нужды образования на нужды народного образования было израсходовано 821 140 р. 08 к., или 25,87%, то уже в 1924–1925 г. только за 9 первых месяцев было фактически израсходовано 1 169 107 р. 83 к., что составляет 30,98% к общим расходам по губернии. А на 1925–1926 бюджетный год запроектировано израсходовать на народное образование 1 669 546 р., или 31,9%» (*Власть труда. 1925. № 260. С. 4*). Все эти мероприятия дали первый успех: в 1926 г. сельскими школами было охвачено 44% крестьянских детей, а в 1927 г. уже 60% (*Власть труда. 1927. № 64. С. 6*).

В первой половине 1920-х гг. проводилась настойчивая работа по ликвидации неграмотности, что привело к конкретным результатам. Так в 1924 г. в уездах Иркутской губернии имелось 106 ликпунктов, которые за этот год обучили 2 103 чел. (*ГАИО, ф. 160, оп. 1, д. 214, л. 307–308*).

Как показывала практика, без участия учительства невозможно было решить многие социальные проблемы и обеспечить подъем культурного уровня населения. Для закрепления учительского состава на местах постепенно улучшалось материально-правовое положение сельского учительства, пенсионное и жилищное обеспечение, им предоставлялись различные льготы. В 1926/27 учебном году зарплата учителей первой ступени выросла по сравнению с 1924/25 учебным годом на 5 р. 50 к. (вместо прежних 34 р. 50 к. — 40 р.) (*Власть труда. 1927. № 72. С. 5*).

В 1924–1927 гг. изменения в системе образования Иркутской губернии проходили на общем фоне экономического и политического подъема деревни. В новых социально-экономических и политических условиях школа становится все более важным фактором хозяйственного и культурного развития деревни. Именно в этот период в Иркутской губернии намечается тенденция роста школьной сети, сельскому учителю уделяется особое внимание как проводнику политической идеи в крестьянские массы.

Таким образом, 1920–1927 гг. в жизни школы были важным этапом. Это годы острой борьбы с материальными невзгодами, а затем неуклонного количественного роста, перестройки системы обучения и воспитания, особого отношения к сельской школе. В данный период проявились две тенденции в развитии народного образования. С одной стороны, были достигнуты определенные успехи в ликвидации неграмотности, ощущался

подъем активности сельской интеллигенции, который выразился в организации новых собраний, конференций, объединений и обществ. С другой стороны, сельская школа становится частью государственной политики, попадая под контроль партийно-правительственного аппарата.

И.С. ЦЫРЕМПИЛОВА

ЗАБАЙКАЛЬСКАЯ ЕПАРХИЯ В ПЕРИОД ДАЛЬНЕВОСТОЧНОЙ РЕСПУБЛИКИ (1920–1922 гг.)

В современных реалиях научное изучение взаимодействия религии и политических процессов имеет особую значимость для понимания сложившихся социально-культурных практик в стране. В 1920-е гг. региональные геополитические и историко-культурные особенности определяли и специфику государственно-церковных взаимоотношений.

На территории Забайкалья международная, политическая, экономическая и военная ситуация привела к образованию независимой демократической Дальневосточной республики (ДВР). ДВР была провозглашена 6 апреля 1920 г. и в ее состав вошли Амурская, Забайкальская, Приморская, Сахалинская и Камчатская области и полоса отчуждения КВЖД. На учредительном съезде республики (12 февраля 1921 г.) был обнародован акт об образовании ДВР и принята ее Конституция (27 апреля 1921 г.) (*Энциклопедия Забайкалья: Читинская область. Т. 1: Общий очерк. Новосибирск, 2000. С. 66*).

За годы Гражданской войны структура Забайкальской епархии не претерпела кардинальных изменений, сохранив количество благочиний, культовых зданий и монастырей. При этом Забайкальская епархия испытывала внутренний кризис, связанный в первую очередь с управлением. В конце июня 1920 г. Забайкальская епархия осталась без архиерея: епископ Забайкальский и Нерчинский Мелетий (Заборовский) неожиданно выехал в Китай (Харбин) и отказался вернуться в Читу, поскольку руководство ДВР никаким образом не отреагировало на вопрос о гарантии безопасности. Это достаточно осложнило работу, так как наиболее насущные церковные вопросы приходилось решать, совершая поездки в Харбин на рассмотрение и утверждение епископа Мелетия (*ГАЗК, ф. р.-422, оп. 2, д. 26, л. 228*). Епископ Мелетий при этом передал часть своих функций Забайкальскому епархиальному совету во главе с его председателем протоиреем Сергеем Старковым.

Положение религиозных институтов в ДВР определялось статьями Конституции (ст. 13, 14, 18), согласно которым церковь отделялась от государства. Государство освободило себя от заботы по удовлетворению религиозных потребностей граждан, декларировав вместе с тем